

19865

429

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

19865

429

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ГУМАНИТАРНЫМ И
ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА**

Русская литература

ТАРТУ 1986

Редколлегия: И.Глушкова, Л.Казарян, М.Катсон,
доц. М.Плюханова (ответственный ре-
дактор), Н.Семёнова, П.Торопыгин,
И.Шевеленко, И.Шевченко.

Редактор: П.Торопыгин.

СТАВЛЕНКО ВАР
356479

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ГУМАНИТАРНЫМ И ЕСТЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА.
Русская литература.
На русском языке.
Тартуский государственный университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.
Ответственный редактор А. Плюханова.
Подписано к печати 23.05.1986.
МВ 06235.
формат 60x84/16.
бумага ротаторная.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 3,72.
Учетно-издательских листов 3,61. Печатных листов 4,0.
Тираж 300.
Заказ № 533.
Бесплатно.
Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ЛАПИКОВА Е. Спор о волхвовании "Иного сказания" со "Ска- занием" Авраамия Палицына	4
АЛОВ В. Военный очерк 1805-1825 гг. в контексте эпис- лярно-путевой прозы первой четверти XIX века	6
ПАРСАМОВ В. "И братья меч вам отдадут"	10
ШТЕРНБЕРГ В. Сёстры Бакунины как явление русской культу- ры первой половины XIX века	12
ЯКУШЕВА Т. Образ "искажённой действительности" в петер- бургских повестях Н.В.Гоголя	15
ТОРОПЫГИН П. И.В.Киреевский и Е.А.Баратынский в "Европей- це"	17
ГОРБАЧЁВА Н. Эстетика ужаса в системе романтизма (по ма- териалам русской прозы 1830-х - 1840-х годов)	19
СЕГАЛЬ Е. К вопросу о поэтике мелодрамы	22
ЛЕЙБОВ Р. Мотив неожиданного изменения/ незаслуженного дара в лирике Ф.И.Тютчева	25
ПИЛЬД Л. Об одном способе художественной реализации звуко- образов в русской литературе второй половины XIX века..	28
ПОНОМАРЁВА Г. Философско-эстетические взгляды Инн.Анненс- кого	31
ЗАБЛОЦКАЯ А. К проблеме изучения символистской "книги стихов"	34
ДОЦЕНКО С. Об одной фольклорной традиции в творчестве В.Иванова	36
ЛИТВИНОВА И. Драма Ф.Сологуба "Победа смерти" как отклик на поражение революции 1905-1907 годов	39
БЕЗРОДНЫЙ М. О символике драмы Блока "Незнакомка".....	42
ДАНИЛЕВСКИЙ А. А.М.Ремизов и Лев Шестов	46
МЕЛЬНИКОВА Е. Человек в прозе А.Платонова 1926 года...	49
ГРИГОРЬЕВ Р. Природа в творчестве А.Платонова 1926 го- да	52
КОСТАНДИ О. Литературный быт в раннем творчестве В.Каве- рина	56
СИГАЛОВА Т. Пародийный аспект считалки	58
ВОСТРИКОВ А. К проблеме изучения членности художествен- ного текста	61

шло "здесь и теперь" (отсюда богатый *color locale et tempore*), но оно также случалось всегда и будет повторять — ся впредь, неперестанно.

А.М.РЕМИЗОВ И ЛЕВ ШЕСТОВ

А.Данилевский

1. Проблема отношения творчества Ремизова к философии Шестова уже анализировалась в работе М.В.Козьменко (Филологические науки, 1982, № 1), но комплекс идей философа выпал там как некое стабильное и законченное целое, а Ремизов трактовался как пассивный экспликатор этих идей в подвластной ему эстетической сфере. В действительности же все было совершенно иначе.

2. Начнем с Шестова... Исходный пункт его философствования — гипертрофированное чувство трагичности индивидуального человеческого существования. Стимулируемый им, Шестов предпринял попытку "спасения" индивида посредством переориентации общественного сознания на "трагический" тип мышления. Осуществление этого предприятия прошло ряд этапов. В книгах "Шекспир и его критик Брандес" (1898г.) и "Добро в учении гр.Толстого и Ф.Нитше" (1900) гарантом "спасения" выступала внутренне противоречивая спекулятивная конструкция, в которой "ужасы" действительности уравнивались признанием их разумной необходимости: страдание, по Шестову, благотворно, т.к. возводит страдающего на высшую ступень духовной организации, что и дает ему возможность постичь подобную сверхразумную "целесообразность" мира. Противоречивость этой конструкции была осознана Шестовым уже при завершении 2-ой книги, что и вызвало поворот в развитии его мысли: трагизм жизни абсолютизируется философом — объявляется неустранимым ("неизбывным"), но, в таком случае, именно этот вывод должен лечь в основу новой "картины мира". Прежнее же — рационалистическое по природе — мировоззрение человечества должно быть отвергнуто как игнорирующее трагическую проблему — и потому несоответствующее реальной действительности. Эту трагическую онтологию Шестов практически обосновал в кн. "Достоевский и Нитше (Философия трагедии)" (1903), усмотрев адекватную для ее выражения форму в "философии" "человека

из подполья" (и в произвольно сближаемых с ней идеологиях других "бунтарей" Достоевского). В "Апофеозе беспощенности" (1905) с этих позиций подвергся радикальному отрицанию почти весь существующий набор общезначимых гуманистических ценностей. Одновременно дальнейшая разработка трагической проблематики провозглашалась здесь единственным генератором и регулятором всех будущих построений Шестова. Однако уже в "Началах и концах" (1908) его внимание переключилось на начатую "Апофеозом" тотальную дискредитацию рационализма, а затем, в "Великих канунах" (1911), — на заведомо бесперспективное изживание его (рационализма) рудиментов в своем собственном мышлении. В итоге выявились как непродуктивность пути, намеченного в "Апофеозе", так и провал всего предприятия Шестова: задуманное и осуществляемое как утопическое "спасение" индивида, оно, под конец, обернулось своей противоположностью (антиутопией). И Шестов надолго (до 1916 г.) замолчал.

3.1. Ремизов впервые познакомился с идеями Шестова в 1899г., а их личное знакомство произошло в 1904 г., вскоре перейдя в дружбу, прерванную лишь смертью мыслителя (1938). Шестова (как и В.В.Розанова) Ремизов неизменно называл наиболее значимым для себя философским авторитетом. В 1905 г. он опубликовал (Вопросы жизни, 1905, № 7) один из весьма немногих в ту пору позитивных откликов на "Апофеоз беспощенности" (тогда же Е.Лундберг — единомышленник Шестова — назвал Ремизова единственным, кто понял и в полной мере оценил идеи философа). С посвящением Шестову вышел сборник записей снов Ремизова "Бедовая доля" (1908), Шестова же Ремизов "посвятил" (как и Розанова, Гершензона, Балтрушайтиса, Иванова-Разумника и Лундберга) в "старейшие кавалеры" своего "Обезвельопала" (1907). Со своей стороны Шестов неизменно интересовался творчеством Ремизова, даже собирался дать его подробный разбор в печати (1913 г.), но перепоручил его Лундбергу. Его письма к писателю (хран. в РО ГИИ) содержат множество отзывов относительно идейной и художественной сторон произведений Ремизова, советы и пожелания по этому поводу. Все это убеждает в том, что в данном случае мы имеем дело с особым "разделением труда" в согласованной (но осуществляемой раз-

личными способами) деятельности по достижению общей для обоих авторов цели.

3.2. Итак, — единомыслие, но до определенного момента. Сохранение романа "Пруд" (1905) и повести "Часы" (1908) уже их первыми читателями и рецензентами соотносилось с шестовскими разработками проблематики "подполья", "трагедии". Главный герой "Часов" отчетливо спроецирован на "подпольного парадоксалиста" Достоевского, а перенасыщенность повести натуралистическими изображениями "ужасов" действительности убеждает в стремлении Ремизова — вслед за Шестовым — в них самих отыскать возможности их преодоления. Ремизовский "Обезвешиватель" — также следствие увлечения идеями Шестова (не случайно все его "старейшие кавалеры" — люди, активно занявшиеся о своей идейной солидарности с философом), он — откровенная, подчеркнутая утопия, в которой реализованы все идеалы Шестова, однако уже сам характер реализации свидетельствует о серьезных сомнениях Ремизова в успехе шестовского предприятия. В повести "Крестовые сестры" (1910) писатель предлагает уже свое собственное решение проблемы, занимающей Шестова: действительность трагична, соглашается Ремизов, и "ужасы" ее неустранимы, но они — трансцендентно санкционированы (результат некоей "божьей ошибки"), а потому единственный выход — примирение с ними, добровольное принятие на себя страдания как искупительной жертвы. Действительность предстает в "Крестовых сестрах", новой редакции романа "Пруд" (1911) и в повести "Пятая язва" (1912) как бесконечно воспроизводимое воспроизведение Голгофы. А в своем последнем предреволюционном романе "Плачущая канава" (1914 — 1918) Ремизов наделяет идеями и даже чертами внешнего облика Шестова (как и Розанова) образ "подпольного мыслителя" Антона Будилина — ущербной и оторванной от реальной жизни личности, чтобы затем сюжетными коллизиями опровергнуть порочность его мировосприятия и возникших на его почве умозаключений.

Предметом работы являются прозаические произведения Платонова, написанные им около 1926 года. Рассмотрим тип героя, деятельность которого направлена на преобразование окружающего мира: Попов, двое Киричниковых и Матиссен в "Эфирном тракте", Крейцкопф в "Лунной бомбе", Перри в "Тыфанинских шлюзах"¹. Эти персонажи обладают некоторым набором общих черт:

1. Они характеризуются признаками болезненности, изможденности. Попов страдает от паразитов и болячек (303): "работа головы высасывала из него всю кровь, и его истощенное тело вышло из равновесия" (309), он заболевает малярией, как и младший Киричников. Матиссен спит "с <. > оловянным утихим сердцем и распахнутым зловонным ртом. Он никогда не заботился ни о гигиене, ни о здоровье своей личности" (334). Признаки ветхости, болезненности героев по мере разворачивания сюжета — воздействия на природу — начинают переходить в смертность: совершается процесс омертвения, завершающийся гиебелью.

2. Комплекс черт, связанных с типом "маленького человека" в традиции прозы XIX в.: одиночество, отсутствие семьи у героя, житейская неустроенность. Жена Крейцкопфа уходит от него: "Одиночество стало его страстью" (28); Скорб, коллега Крейцкопфа, тоже одинок: "его семья — жена и две дочери — утонули в весеннем паводке горной реки" (30). Попов описывается как "пожилой незначительный субъект с житейски неразвитым мозгом", к такому состоянию привело его "одиночество, заглушенность души" (302). Михаил Киричников, продолжатель исследований Попова, был женат, но бросает жену и уходит "из дому навсегда" (324). Матиссен, приятель Киричникова, считает "работу более прочным наследством, чем дети" (319). Егор Киричников, последний исследователь эфирного тракта, обладает "тревожным чувством бродяги" (348); Валентина, его возлюбленная, возбуждает в нем "только легкое чувство тоски. Силы его сердца были мобилизованы на другое" (353). Впоследствии он тоже уходит из дома. Бертран Перри уехал в Россию